

правда Украины. - Киев. - 1991. - 59 с.
ВСЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Из Моцарта нам что-нибудь!

УХ, УХ, современный дух. Смотришь на столичные афишные щиты с точки зрения удовлетворения духовных потребностей, и глаза вразбег. Вот объявляется набор на курсы каббалы, в программе — белая магия, кармическая астрология, тайнознание, ясновидение, озарение и другие верные средства противостояния судьбе. В Доме учителя — выставка эротики, лица до восемнадцати не допускаются. А Дом офицеров зазывает на встречу с народным целителем СССР, который, по уверению афиши, обладает способом возвращать людям веру и несет человеку познание Вселенной через молитву. А во Дворце спорта — последний раз в сезоне — группа «Гуляй-поле» с братьями Махно... А может, двинуть туда, куда кличут хэви-металлисты? «Железный мерш» — «впервые в Киеве» — «у нас вы не только хорошо оттянетесь, но и приобретете майки и значки...». Рынок!

На ярмарке, как на ярмарке: спрос, предложение, конъюнктура... Эгей, народ! А кому Моцарта? Фантазия фа-минор! Первое исполнение в Украине! Есть желающие?..

С афишного щита печально глядит молодой человек в парике с косичкой, элегантный бантик на тонкой шее. «...Ах, правда ли, Сальери, что Бомарше кого-то отравил?».

НАЗАВТРА после смерти молодого человека погода была дрянная, провожавшие покойника отстали от погребальных дрог, и, глядя на удалявшиеся дроги, Сальери сказал коллеге Розеру: «Да, жалко, конечно, что от нас ушел такой великий гений, но вообще-то музыкантам позезло: прожил он еще, никто не пожаловал бы всем нам даже сухой корки за все наши сочинения». Так сказал Сальери, и эта нелюбимая фраза дорожонько обошлась господину придворному капельмейстеру: молва нарекла его убийцей гения. Подсыпал яду, отравил!

«...Я избран, чтоб его
остановить —
Не то мы все погибли».

Похуже, и наш Пушкин считал, что Моцарта погубил старик Сальери — «снедаемый завистью».

Между прочим, в разговорах тетрадях оглохшего Бетховена, который, кстати, был учеником Сальери (у него учились также Шуберт и Лист), нашли строчки о том, что Сальери перед смертью будто бы сознался в преступлении и даже намеревался покаяться в церковной исповеди, да не успел.

И роковой, гибельный смысл прозвучал в последних словах рукописи Реквиема, над которым Моцарт работал еще за два часа до того, как угасло его сознание: «гомо реус» — «человек злодей».

Понятно о ком!

Бедный Сальери... Компромат на него, крошка по крошке, собирали всем миром. Мелькали годы, уплывали десятилетия, и, роясь в разбухающем «деле», кропотливые следователи-исследователи то утверждали, то отвергали отравительскую версию, и только в наши дни научная сессия «Моцартеума» (Институт моцартоведения в Зальцбурге, Австрия), заслушав очередной доклад на данную тему, вынесла окскачательный вердикт: не виновен.

Только, знаете ли, что-то не верится в окончательность ученого вердикта. Все-таки привыкло человечество к зло-

гущей версии. Так что крепиться, крепиться, господин Сальери.

НО ЧТО ТАМ несчастный Сальери... А не присмотреться ли к самому Вольфгангу-Амадею?

Вот свежайшая информация из заграничных источников, сообщает ИМА-пресс:

«Развеем миф о бедствиях не признанного современниками композитора. «Непризнанный» на самом деле жил не по средствам, проигрывая крупные суммы на бильярде и в карты»;

«...вместе с тем был чрезмерно тщеславен...»;

«...многие видят его сумасбродным...»;

«...постоянно донимал своих близких, действительно ли они его любили...».

Не правда ли, любопытный вырисовывается имидж?

Объективности ради отметим окладистую бороду имиджа. Начала она пробиваться еще в те поры, когда у мальчишки Моцарта и пушка над губой не было. Ну и растет-произрастает по сей день.

Особо заметный вклад в моцартовскую чернуху внес Артур Шurig, немецкий музыкальный писатель, родившийся в эпоху позднего Бисмарка и спочивший при раннем Гитлере. Из его двухтомного сочинения Моцарт предстал как пустоголовое ничтожество, мелкий мещанин, простофиля, неуч и почти дурачок. Возмущенные моцартоведы квалифицировали двухтомный опус как «гнусный пасквиль». А поди ж ты — жив курилкал В откровениях ИМА-пресс — и его следочки. Стало быть, востребуем, вытаскиваем, не брезгуем...

«Ты, Моцарт, недостойн сам себя», — убежденно заявил пушкинскому Моцарту пушкинский Сальери, и, похоже, сему высокомерному тезису не жаржавать, покуда Моцарт будет витать над нашим грешным миром.

«ЕСЛИ человек талантлив — ему завидуют, если он гений — его ненавидят».

Это слова Моцарта, и в них — горечь горькая его собственного житейского опыта. Зависть и злоба волоклись за ним всю жизнь и волокутся посмертно.

Когда двенадцати лет он сочинил свою первую большую оперу (500 с лишним страниц партитуры), венские дяденьки-композиторы, почуяв в мальчишке опасного конкурента, устроили ему обструкцию по всем правилам своего застойного времени. Слушок: музыка тьфу, гроша не стоит. Еще слухок: музыку написал не мальчишка, а его папаша. В письме Моцарта-старшего читаем: «Композиторы предприняли все возможное, чтобы помешать постановке оперы, подговорили певцов, натравили оркестр — словом, употребили все средства, чтобы сорвать постановку. Весь музыкальный ад всполошился, стараясь воспрепятствовать ребенку показать свое искусство. Так и приходится пробиваться в жизни: нет у человека таланта — он несчастлив, а есть талант, так чем он больше, тем злее преследует человека зависть».

Вдобавок обладателю таланта явно недоставало дипломатических способностей. Еще ребенком шести лет он, святая простота, заставил поблбеднть своего папу на домашнем концерте у императрицы Марии-Терезии, лягнув ее сыну эрцгерцогу Йосифу (будущий император играл на скрипке):

«Вы фальшивите, ваше высочество, и у вашей скрипки слишком резкий звук». Эрцгерцог воспринял критику снизу по-джентльменски («Браво, наконец-то я встретил откровенного человека»), императрица тоже мило улыбнулась, но когда через энное количество лет при дворе будет обсуждаться кандидатура придворного капельмейстера, о Моцарте будет сказано: не надо. Кстати сказать, у наследника Габсбургов, кроме музыкальных способностей, была прекрасная память, и, уже пребывая в императорском чине, он тоже позволил себе покривить Моцарта (только что написавшего новую оперу): «Слишком много нот, мой дорогой Моцарт...». И что услышал в ответ? «Ровно столько, сколько нужно, ваше величество!».

Нет, не получалось у Моцарта по части дипломатических политегов.

Вообще много чего у него не получалось.

Например, разбогатеть. Музыка в восемнадцатом веке была занятием малоодоходным, и письма Моцарта полны жалоб на материальную сторону бытия: «Домовладелец продолжает грозить...»; «быюся как рыба об лед, стараясь что-то заработать и расплатиться с доктором и аптекарем...»; «деда приняли ужасный оборот, и я умоляю Вас одолжить мне, если можно...»; «Боже милосердный! Худшему врагу своему не пожелал бы я оказаться в моем ужасном положении!».

Не ладилось у Моцарта и с публикой. Триумфы вундеркинда были забыты. Вена увлеклась цирком и экзотическими зрелищами (бой дикого кабана с догами в железных панцирях, бой неокормленного медведя с молодым диким кабаном и т. п.), а двор требовал контрдансов и маршей. «Чтобы заслужить аплодисменты, нужно писать либо банально, либо уж так намудрить...».

Последние три симфонии — вершина его музыки — были написаны, по-нынешнему говоря, в стол. Автор пытался устроить концерты по подписке, однако на подписном листе оказалась лишь одна фамилия. «...Я не вижу пути вперед. Я вижу лишь мрак и могилу».

Он не был понят своим веком. Об одном из его квартетов Бетховен сказал: «Вот это вещь! В ней Моцарт говорит миру: смотрите, что я мог бы сделать, если бы для вас пришло время».

А ПРИШЛО ли время Моцарта для нас?

...С афишного щита глядит печальный молодой человек в парике с косичкой. «Українська Духовна Республіка» объявила цикл Моцартовских концертов с нынешнего октября по будущий июнь, и первый из них состоялся под сводами древнего киевского храма на Дорогожицкой горе. Полторы сотни кресел в храмовых апсидах, и были свободные места. И ломилась публика в спортивный дворец на хэви-металлический рок с майками и значками.

Молодого человека в парике с косичкой считают более композитором XIX века, чем XVIII, и более композитором XX века, чем XIX. Но, может, разочаровавшись в нас, он ушел в XXI-й?

И все же, по Пушкину: «Из Моцарта нам что-нибудь!».

Анатолий ПОВНИЦА.